

«Петербургский дневник» представляет

Николай Прокудин

Вчерашний бой я видел снова и снова, как в кино. Убитые наши, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон смертью, четыре часа непрерывной перестрелки.

Вернуться
ЖИВЫМ

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Николай Прокудин

Вернуться живым

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

Прокудин Н. Н.

Вернуться живым / Н. Н. Прокудин — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга», 2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-061-7

Автора этой книги, храбро воевавшего в Афганистане, два раза представляли к званию Героя Советского Союза. Но он его так и не получил. Наверное, потому, как он сам потом шутливо объяснял, что вместо положенных сапог надевал на боевые операции в горах более удобные кроссовки и плохо проводил политзанятия с солдатами. Однако боевые награды у него есть: два ордена Красной Звезды, медали. «Ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке Кабульского аэродрома, — пишет Николай Прокудин. — Это был крепкий немецкий чемодан, огромных, прямо гигантских размеров, который называют «мечта оккупанта». В нем уместились бушлат, шинель повседневная, шинель парадная, китель повседневный и парадный, хромовые сапоги и еще много всякой ерунды. Я глубоко вдохнул раскаленный июльский воздух Кабула... Когда пьянство и дурь гарнизона окончательно осточертели, все-таки добился перевода за границу. Моей «заграницей» стал уже много лет воюющий Афганистан. Что там на самом деле происходит, ни я, ни мои сослуживцы толком не знали». Вернувшись с войны, Прокудин стал писать. Зачем? «Душа болит за тех, кто погиб на афганской войне», — говорит писатель.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

ISBN 978-5-91498-061-7

© Прокудин Н. Н., 2015
© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

ПЕРВЫЙ РЕЙД	6
ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Прокудин

Вернуться живым

ПЕРВЫЙ РЕЙД

После года службы в ТуркВО я попал в Афганистан, в Кабул, в рейдовый мотострелковый батальон. Война шла уже шесть лет. С этого момента для меня началась череда бесконечных боевых действий...

Рота гудела и суетилась, как растревоженный улей. Завтра мой первый выход в боевой рейд – операция в районе поселка Пагман.

Была мелкая дрожь возбуждения от неизвестного, неизведанно го – завтра могут и убить: «вот пуля пролетела и – ага!». Готов ли я морально и физически, сам не мог этого понять.

– Замполь! Нервничаешь? – поинтересовался командир роты капитан Кавун.

– Есть немного... Иван, я не знаю, что взять, что надеть...

– Не переживай, Ростовцев! Мы со старшиной тебе поможем. Я подарю свою вторую песочку – маскировочный костюм такой, очень удобно ходить в жару, он как из парусины. Дам и лифчик-нагрудник. Спальник и кроссовки есть?

– Спальник мне подарил предшественник Алексеев, а кроссовки я куплю.

– Вот и хорошо, а остальное имущество старшина Веронян выдаст. Быстрее шуруй в каптерку.

Прапорщик-армянин Веронян, довольный возможностью снисходительно помочь молодому офицеру, засуетился вокруг меня и выдал фляжки, вещмешок, ложку, котелок.

– Не дрейфь, замполит! Гога тебя и соберет, проводит и обратно дождется. Не бойсь – живыми вернетесь, все будет хорошо!

Я получил закрепленный за мной АКС-74, взял четыре гранаты, две пачки патронов в лифчик и четыре рожка, снаряженных патронами, пару сигнальных ракет, кинул в рюкзак мешочек с еще парой сотен патронов.

Взводные проверяли готовность бойцов, продолжалась суета, и конца ей было не видно. Солдаты носили сухпай в БМП, стоящие в автопарке, пополняли боекомплект, таскали баки с водой, вещи. Грузили, грузили, грузили. Из каптерок волокли старые матрасы, чайники, какое-то невероятное количество барахла. Построение. Сначала офицеры роты сами выявляли недостатки, проверяли снова и снова, осматривая экипировку.

После обеда начальник штаба построил батальон. Злобно шевеля чапаевскими усами, НШ майор Подорожник ходил по ротам, орал, язвил, ругал командиров рот и дал время на устранение уймы недостатков. Через час он вновь построил батальон и доложил комбату о готовности.

Комбат подполковник Цыганок, бродил между ротами ленивой походкой, всем видом показывал, что он болен, безнадежно устал и делает одолжение этому батальону проверкой. В итоге комбат ругнулся и пошел докладывать в штаб о готовности. На боевые батальон вел начштаба майор Подорожник, а сам комбат сачковал, зная, что через месяц уходит на повышение.

Через час уже офицеры управления полка изучали нашу готовность. Командование строевой смотр решило повторить, но времени не хватило, сроки выхода сократили.

Ротный показал мне бронемашину, на которой предстояло ехать старшим.

– Садись на башню, самое идеальное место, а бойцы сами знают, где и как ехать. Главное – будь всегда на связи.

Я забрался на броню, сел на край люка, солдаты разместились кто где, и вскоре полк начал медленно вытягиваться в колонну. Между колесными машинами вставляли наши БМП-2 – для защиты тыловых подразделений. Техника не спеша выдвигалась из полка и растягивалась по дороге. Головные машины миновали дорогу к штабу армии, а замыкание колонны полка еще подтягивалось из парка. Мощь! Внезапно ко мне на броню забрался старший лейтенант из управления полка – секретарь комитета комсомола Артюхин.

– Григорий! Ты что меня пасти будешь?

– Да нет, не переживай! Для компании поеду с тобой! Я от политаппарата полка иду с батальоном, ну и тебе веселей будет...

Уже вечерело, когда мы входили в центр Кабула. Множество разных будок-кунгов выехали из штаба армии, еще больше тыловых машин, поэтому мы ползли очень медленно.

Августовское солнце нещадно палило, броня была раскалена, несмотря на то что день заканчивался и солнце медленно клонилось к горам. Полк застрял напротив здания афганского Министерства обороны. Колонна стояла долго, бойцы дремали, привалившись друг к другу, держась за автоматы, засунутые прикладами между фальшбортами.

– Никифор! Я завтра выплыву, а тебе в горы с утра. Чего рядом сидеть? Ложись в десант, потом поменяемся, – предложил старший лейтенант. – Матрас в десантное отделение бросил?

– Да, бойцы в каждый отсек кинули. А связь?

– Я на связи посижу, давай шлемофон, – успокоил Григорий.

В левом десантном отделении было свободно от ящиков и коробок, я бросил рядом автомат, лифчик не расстегнул, захлопнул люк, но сон не шел. Лежал, скрючившись, нервничал, а вдруг из гранатомета в борт бахнут или подрыв! А вдруг нападение? Было душно, неудобно, непривычно. Колонна двигалась короткими рывками, метров по сто-двести. Трясло, качало. Меня понемногу сморило, что-то снилось мирное и домашнее...

Солнце выбралось из-за горного хребта быстро, как будто спешило излить свою огненную злобу на пришедших чужаков. Ветер приносил утреннюю свежесть, пока было прохладно. Колотила мелкая нервная дрожь.

Вся долина, куда собиралась техника батальона, медленно заполнялась машинами множества штабов.

Вдруг раздался страшный грохот – это установки «Град» и «Ураган» начали сеять смерть в горах, посылая вдалеке снаряды. Огненные хвосты исчезали сериями в небе. Они были похожи на кометы, только не падающие, а взлетающие. Но где-то эти рукотворные кометы обрушатся на землю и будут сеять смерть. Не хотелось бы попасть туда, куда эти заряды обрушатся!

Батальон рассредоточился на ротные колонны и занял оборону, экипажи принялись строить небольшие укрепления из камней вокруг машин, а пехота, матерясь и подгоняя друг друга, начала строиться возле брони повзводно и поротно. Ротные ушли на командный пункт полка. Не успели взводные навтыкать солдатам, как Кавун уже вернулся обратно.

– Офицеры, ко мне! Прапорщик тоже! – специально для командира гранатометно-пулеметного взвода Голубева (старый пройдоха попытался прилечь в тени возле пулемета) с ехидцей произнес ротный. – Задача нам такая: рота действует отдельно. На трех машинах нас подбросят вот к этой отметке. – Ротный ткнул в точку на карте. – Седлаем хребет над шоссе и контролируем соседний кишлак и подходы к дороге – ждем удара со стороны горы Курук, ну и, вообще, отовсюду. Рядом не будет никого – техника сразу уйдет, и мы останемся одни.

Поставив задачи, рыжий Ваня почесал затылок и, сморщив веснушчатый нос, простонал: – Эх, где же моя долгожданная замена!

Мы ползли по склону все выше и выше. Мой первый подъем в горы!

– Ну, как дела, Никифор? – спросил командир роты.

– Тяжеловато, жарко! – промямлил я ему в ответ, желания болтать не было никакого.

– Это все пока ерунда – разминка. Вот когда тысячи на три вверх ползем или совершим марш километров на тридцать по хребтам, вот тут ты маму-папу вспомнишь, пожалеешь, что родился. А пока тренируйся, привыкай, – посоветовал Ваня и дружески похлопал меня по спине.

В лощине двигались два силуэта. Ротный взглянул в бинокль и задумчиво сам себя спросил:

– Что за черт этих баб здесь носит?

Вдруг раздался выстрел, и одна из женских фигур завалилась на бок, а узел, который она несла, упал к ее ногам.

– Кто стрелял?! – заорал Иван. – Какая сволочь бабу убила?

– Я стрелял! – задорно крикнул солдат, закидывая снайперскую винтовку за спину. – Еще не известно: может, под этой паранджей не ханумка, а «дух» бородатый.

Это был Тарчук, один из двух спецназовцев, которые после излечения в госпитале перед самым рейдом попали к нам в батальон, их прислали на доукомплектование, и кто они такие и чем дышат – толком было не известно. Ротный подошел вплотную к солдату, зло взглянул в глаза и резким ударом в челюсть сбил снайпера с ног.

– Без моего разрешения даже не дыши! Придурок! Еще один такой выстрел, и ты труп! Нам за эту бабу таких люлей могут навалить. Роте тут неделю сидеть. Если что случится, я тебе вторую ноздрю порву. – Одна из ноздрей солдата была рассечена, и вся правая щека испещрена шрамами от осколков. – Тут тебе не анархия – забудь спецназ. Я для тебя царь и бог. – Пнув снайпера в бок, ротный переступил через него.

Тарчук что-то прошипел, но я склонился над ним и тихо спросил:

– Что шипишь как гадюка? Зубы мешают? Добавить?

Такой ласки от меня солдат не ожидал. Он сел, сплюнув кровь себе под ноги, и ехидно пробормотал:

– Ротный руки распускает – неуставные взаимоотношения. А замполит не замечает...

– Замечаю! Могу добавить. А пикнешь – пойдешь под трибунал за бесчинство по отношению к местному населению. Заткни пасть, вытри физиономию и шагай в гору.

Я с трудом, преодолевая тяжесть в ногах, догнал ушедшего вперед капитана. Пот струйками лил по лицу и спине, снаряжение тянуло назад, ноги вверх идти не хотели.

– Товарищ капитан! Может, не надо было ему морду разбивать? Стуканет в полку, шуму не оберемся!

– Обойдемся без товарищей капитанов! Называй меня по имени – Иван! Уверю тебя, этот не будет докладывать – «Ноздря» будет молчать. Ты еще до конца не понимаешь, какая сволочь к нам в роту попала? Убийца! Мало ли за что его к нам сослали. Почему после госпиталя в спецназ не забрали – сбагрили нам. А почему? То-то и оно, что сволочь, видно, большая, вот его из спецназа и сплывили. Наверняка наркоша! Присмотришь, надо от него избавиться. Устроил, гад, приветствие от «шурави» местным аборигенам...

Через полчаса выбрались на небольшое плато. Командир разделил роту по трем точкам. Первый взвод и ГПВ (гранатометно-пулеметный взвод) посадил чуть выше, второй взвод и замкомроты Грошиков – на левую вершинку, третий взвод и управление с приданными саперами, минометчиками с минометом, артиллерийским корректировщиком – справа и по центру плато. Солдаты тотчас бодро и дружно взялись строить из камней что-то непонятное.

– Иван, что они городят?

– А это эспээсы (стрелковое противопульное сооружение – СПС). В таких укрытиях будем ночевать, а если нападут – то из них отбиваться. В горах окопы не роют.

Приближалась ночь. На много километров вокруг других подразделений не было. Мы одни. Вопросов было много, но я не знал ответов. Как быть с охраной? А если все заснут и нас пережут во сне? Почему ротный не отдает приказы?

Но тревожился я напрасно.

– Ник! Они и без меня все знают, чего воздух сотрясать. Сейчас сержанты распределят солдат по количеству постов и по времени несения охраны. А вы, то есть ты и взводные, ночью будете их проверять, чтоб не спали и охраняли мой священный сон заменщика.

И ротный широко заулыбался.

– Пошли обедать!

– Да я еще не достал и не открывал сухпай.

– Эх! Всему тебя предстоит учить! Солдаты давно приготовили еду. Отдай замку (заместителю командира взвода) свои банки в общий котел. Приготовят и позовут. Санинструктор, чай вскипел? – рявкнул Ваня.

– Чай, чай, опять чай, – проворчал сержант Степан Томилин. – Я шо, кашевар, что ли? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

– Так сходи и уточни! Иначе сам будешь кипятить. Ты что не беспокоишься о здоровье командира-заменщика? Чем недоволен, Бандера?

– Чем недоволен? Всем доволен! – забурчал Степан. – Один идиот выстрелил, а теперь, отгребет вся рота. А мне потом раненых перевязывать! Вбыв бы, дурака...

– Степан, не философствуй, не бубни и не разглагольствуй. Сказано про чай узнать, а не насчет придурков возмущаться.

Томилин, ворча под нос, ушел к костру, разведенному за грудой камней и, продолжая ворчать и чертыхаясь, воротился с двумя кружками.

– Чай подан! – произнес он с достоинством и высокомерием опытного официанта ресторана «Метрополь». – Сейчас будет еще и каша.

– А бифштекс? А фрукты? Где витамины, Бандера? – с наигранным изумлением произнес Кавун.

– Нема, ничего бильше.

Притворившись раздосадованным, ротный вздохнул и попытожил:

– Да, Степан, не видать тебе дембеля, если будешь меня так плохо лелеять. Я же до замены не дотяну – печень после желтухи ослаблена, – чем будешь спасать ее, медицина?

– Може вашей сгущенкой!

Командир улыбнулся и продолжил театр одного актера:

– Опять сгущенка моя! Нет чтоб лечить своей!

– Свою я и сам зым, тоже пора здоровье беречь к дембелю.

– Здоровье беречь! Тебе, земляк, целый год по горам ползать!

– Не год, а восемь месяцев!

– Эх, если б мне столько оставалось – я бы, Степан, повесился!

– А шо тогда замполиту делать з его двумя рокими? – съехидничал сержант.

– Два раза повеситься! – весело заржал капитан. – Лейтенант! Ты даже представить не можешь, сколько тебе не то что до замены – до отпуска! Ну, не грусти, замполит, пей чай и береги здоровье. Расслабься.

Я загрустил от нахлынувших мыслей о предстоящих двух годах с их бесконечными походами по горам.

– Хто-то идет к нам и не понятно як! – доложил подошедший замкомвзвода сержант Дубино.

– Как это «не понятно как»? – переспросил ротный.

– А так! Чудно. Вы сами посмотрите...

Я посмотрел в бинокль: в распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону на одной ноге, опираясь на костыль и палку, поднимался парнишка. Малец так ловко и шустро перемещался, что вскоре был уже рядом и что-то громко кричал.

– Просит не стрелять, – перевел пулеметчик-таджик.

– Зибоев, скажи, пусть хромает сюда – не тронем. Бойцы! Всем по СПСам – не торчать столбами, чтоб нас не сосчитали. Зибоев, стой здесь – переводить будешь!

Через пару минут на вершину выбрался мальчишка без правой ноги ниже колена, опирающийся на самодельные костыли. Лицо, руки и ноги ребенка были черным черны то ли от загара, то ли от грязи. Сверкая белыми зубами, он сразу начал что-то быстро-быстро рассказывать.

– Говорит, что он из кишлака – того вон рядом у дороги. Просит больше не стрелять, кишлак не трогать, его не обижать и овец не убивать, – перевел солдат.

Кавун заверил мальчика, что все будет нормально, стрельбы не будет, если в нас ночью тоже не станут стрелять.

– А зачем ханумку убили? – перевел очередной вопрос Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера с рваной ноздрей и с простодушным видом ответил:

– Переведи – не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. Но если кто-то не поверит – захочет отомстить, – разнесем весь кишлак. А пока пусть садится с нами чай пить.

Мальчишка ловко сел на землю, опираясь на костыль, и подsunул здоровую ногу под зад. Солдаты выделили ему банку с кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар. Я глядел на мальчишку, и мне было дико от этого зрелища. Пастушок без ноги, совсем ребенок, лет одиннадцати-двенадцати. Но как же он ловко передвигается в горах! Вот он – один из ужасов войны, невинная жертва этой мясорубки. Война становилась реальной и принимала все более ясные очертания.

– Что с ногой? Ты, наверное, душман? Ногу «шурави» отстрелили? – пошутил санинструктор. – Хочешь, пришью другую. Я медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро трещать переводчику.

– На мину наступил года три назад. Уже привык – обойдется без пришивания ноги, – перевел Зибоев.

Паренек уперся в землю, встал на здоровую ногу, подхватил костыли, попрощался и затопился вниз к отаре и второму пастуху.

– Парламентер! Все обсмотрел, всех сосчитал, чертенок, если «духи» рядом – будут про нас знать все необходимое, – подвел итоги переговоров командир.

Перед отбоем Иван поставил задачи на ночь:

– Охранение усилить! Офицерам не спать и проверять посты всю ночь. Пастухи – это «духовская» разведка. Твою мать – бабу убили! Тарчука самого бы прибить вместо нее. Пехоте снести мины к миномету, ленты к АГС и «Утесу». Связистам быть постоянно на связи – не спать! Поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше, а то свои, засранцы, подорвутся. Да растяжки установить, как стемнеет, чтоб из кишлака не видно было, где ставим. И аккуратней, чтобы сами минеры не подорвались. Про ханумку я начальству не докладываю, и ты, замполит, не сообщай. Местные, может, тоже жаловаться не будут, тут ведь территория «духовская». Думаю, все обойдется...

Я смотрел в черное-черное небо – сон не шел – было неуютно. Война под боком – внизу «духовской» кишлак, где-то рядом банда, и их, может быть, там больше, чем нас! А мы спокойно завалились тут и спим, выставив небольшое охранение! Снимут часовых и перережут, как баранов...

Легкий ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя было замечательно. Одно неудобство – камушки кололи в спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок. Неудобно, неуютно, непривычно. Едва закроешь глаза – они сами собой открываются. Небо было настолько великолепным, а звезды такими необыкновенно яркими и близкими, что опять возникло ощущение полета – не уснуть! Ворочаться не получалось, так как наши тела (мое, ротного и Бандеры) были спрессованы малым пространством укрытия. Я расстегнул молнию спального мешка и вылез, стараясь не помешать сопящим соседям.

Натянул кроссовки, взял автомат и начал обход постов – все три поста управления роты меня окликнули. Солдаты не спали – бодрствовали не только часовые. Лейтенант Саня Корнилов весело болтал с арткорректировщиком. Подсев к ним, я попил душистого чая, и мы долго травили анекдоты, но жутковатые, неприятные ощущения не пропали. Александр, пошел в первый раз на боевые, как и я, и чувствовалось, что нервничает не меньше моего. Обговорили очередность проверки постов, завел часы на четыре утра – мое время проверки – и вернулся к своему «ложу». Санинструктор храпел очень выразительно, но после солидного тычка в бок мгновенно ответил:

- На связи... Усэ нормально. Не сплю.
 - Ну и не спи, а то храпишь, как паровозный котел.
 - Так я шо, я ведь слышу усэ. Сна ни-ни, та вы ж ошиблись.
 - Наверное, едва закрыл глаза, как тебе сало привиделось! Вот ты и захрапел.
 - Не, я дивчин люблю билыше сала!
- Наконец со второй попытки я крепко уснул...

Вроде бы только закрыл глаза, как тут запиликал будильник на электронных часах. С трудом проснулся. Вылезать из теплого пухового укрытия не хотелось. Было темно, но уже намечался рассвет. Воздух и земля были пронизаны сыростью от выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь в теле.

Связист ответил в полудреме, что все нормально, мол, недавно взводный бродил, проверял и во взводах тихо и спокойно. На постах бойцы тряслись от холодной сырости, а молодые солдаты еще и от страха. Сколько я не вглядывался в низину, ничего не было видно – туман полностью накрыл ущелье. Если бы курил, то покурил бы, а так лишь попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, я пересчитал проведенные в этой дикой стране дни. Получилось меньше месяца...

После завтрака ротный собрал офицеров.

– Солдат нужно чем-то занять. Чтоб они не бездельничали, пусть строят ячейки для стрельбы лежа и дополнительные СПСы для круговой обороны, да по очереди почистить оружие.

Я отправился по взводам поговорить с молодежью. Многие из них смертельно боятся и чудовищно устали. Подбодрил как мог.

Заместитель командира роты Сергей Грошиков позвал к себе в гости. Он сидел сотней метров выше нас и устроился гораздо лучше нас. В эспээсе они обитали вдвоем с прапорщиком Голубевым – хотели играть в карты, а третьего им не хватало.

– Ник, в «кинга» сыграем? – предложил Сергей. – А то мы двое старых контуженых воинов скучаем. Сидим тут как два дурака – умного не хватает.

Пообщаться с ветеранами не мешало бы. Хотя я играл плохо, но согласился.

– Серега, расскажи, как тебя контузило?

– Старая история... Это было в Панджшере в прошлом году. Рота шла на вершину, внезапно камушек из-под моей ноги выскользнул. Сволота! Кувыркнулся, упал на спину и лечу

по гладкой стене вниз головой – как Иисус Христос – руки и ноги разбросил в разные стороны. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить – метров тридцать скользил в ущелье, пока голова не наткнулась на какой-то валун. Что дальше было – не помню. Когда через полчаса или даже час меня вытащили и промедолом обезболили – два шприц-тюбика вкололи, – очухался и начал ржать, прямо как идиот. Твой предшественник Алексеев думал, что я от страха тронулся. А меня заклинило – я ведь на голове стоял полчаса. Руки не работают, ноги не идут, голова не варит. Одежда в крови, лицо в крови. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось, сотрясение мозга и трещина черепа, маленькая-маленькая, компрессионный перелом позвоночника – хорошо, что без смещений. Вот что значит голова дубовая и стоеросовая – все выдержала!

Сергей раскатисто засмеялся.

– А на меня стена дувала рухнула от взрывной волны, – поддержал байки у костра прапорщик. – Присыпало очень хорошо, очнулся – ничего не слышу. Врачи запретили пить водку. Три месяца терпел, а тут, когда понемножку начал пытаться киять, борьбу за трезвость начали. Гады ваши политработники! Вот уж, действительно, пришла беда – отвори ворота.

Голубев грустно вздохнул, а Грошикова финальная часть рассказа прапорщика развеселила, и он вновь залился раскатистым смехом.

– Эх, замполит, ты с Колобком плохо знаком. Комсомолец батальона дважды контужен – вот у него вместо мозгов одно сплошное мозговое месиво! – подытожил Сергей.

Как же не знаком. Еще как знаком! На третий вечер прибытия в полк и на второй день всеобщего батальонного загула дверь комнаты в общежитии, где устроился Никифор, настезь распахнулась от сильного пинка – загулом праздновали возвращение из рейда. На пороге стояли, обнявшись двое: Грошиков и Колобков – оба в драных тельняшках и армейских трусах, и каждый держал в руках по стакану и по бутылке водки. Ветераны включили свет, врубили музыку на всю катушку, и тотчас начались дикие пляски аборигенов. Ух! Ах!! Ох!!! Затем они схватили трофейные сабли, и начался танец с саблями. Пофехтовали некоторое время, а затем давай рубить металлические дужки коек. Бам! Бам!! Бам!!! Когда умаялись, рухнули без чувств на постели, уснули и захрапели, подражая паровозам. Мои глаза стали квадратными, потом гигантски круглыми, и нормальную форму приняли не скоро. Я обалдел от этого «представления»...

– Ладно, давайте играть, – сказал я. – Но я предпочитаю покер.

Поиграть не удалось. Тут к нашему укрытию подбежал солдат с радиостанцией:

– Товарищ старший лейтенант, вас командир роты...

– Второй слушает!

– Внизу родник, можешь сходить за водой. Организуй прикрытие.

– Понял. Выдвигаюсь.

– Ник, за водой пойдем? Голубев останется сверху, прикрывать, а мы водички попьем, – предложил Грошиков. – Прогуляемся...

– Хорошо! А потом от родника я вернусь к себе на позицию...

Три бойца собрали фляжки, и мы начали спуск. Серега отправил пулеметчика на пригорок у входа в распадок, а мы спустились к роднику.

Солдаты наполняли фляжки и по очереди умывались. Мы тоже умылись. Серега, глупо и нагло улыбаясь, вдруг заявил:

– Не люблю замполитов! Хочешь – сейчас тебя грохну? Из автомата...

Я понял, что это его очередная идиотская шутка, своеобразная проверка, и решил подержать игру.

– Стреляй, псих, – сказал я как можно равнодушной. Серега отсоединил магазин и направил на меня автомат.

– Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Мне стало неприятно и как-то не по себе.

– Хватит глупостей, придурок!

Но Грошиков, ухмыляясь, снял предохранитель и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Серега изменился в лице: в одно мгновение сначала посерел, потом побелел, как лист бумаги, и пот заструился по щекам. Руки у него задрожали, автомат упал в ручей.

– Я ж-ж жив? – слова давались мне с большим трудом.

– Ник! Прости болвана, идиота! я не понял, как это получилось!! патрон оказался в патроннике!!! О! Я – дебил! – И он врезал себе по лбу кулаком-кувалдой. – А почему ты жужжишь?

– Да как говорится, сама б-б... и шутки б-б... ские. Спасибо, что не попал.

– Тебе повезло, что я взял выше плеча! Ну я дурак, ну дурак. – Он продолжал находиться в глубоком шоке, как и я.

– Видел идиотов, но ты самый крупный идиот!

– Как я не попал?! Как же я не попал? Боже! О!

– Переживаешь и жалеешь, что промазал? – спросил я, мои руки и ноги при этом подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот, но вида не подавал, что страшно.

Притихшие бойцы ошалело смотрели на нас, было тихо, словно на кладбище, лишь под ногами журчал ручей. Пауза затянулась.

– Ротный на связи, – вымолвил солдат с радиостанцией и протянул наушник Грошикову. – Вас требует...

Дрожащими пальцами Сергей взял наушник, ответил в ларингофон:

– Второй на связи! Выслушав ротного, сказал:

– У нас полный порядок, поднимаемся! И уже мне пояснил:

– Поднимаемся через КП роты.

Нагруженные флягами, солдаты медленно брели вверх по склону.

– Никифор, прости меня, засранца! Я хотел пошутить, глупо получилось... Серега обнял меня за плечи и сжал руку. – По возвращении с меня накрытый стол.

– Да пошел ты, дурак! Отвали! К черту!

– Как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Ну, все забыли! Хорошо?

Настроения не было никакого. Побрели наверх. Ротный стоял возле укрытия из камней, и злобно смотрел на нас. Руки в карманах, ногой притопывает.

– Что это было?

– Я нечаянно замполита чуть не убил. Патрон в патроннике случайно оказался. Глупо вышло...

– Все мозги через дырку в башке вытекли? Или чуть-чуть осталось?

– Я хотел пошутить... глупо получилось...

– Вижу, что не умно, на редкость не умно... В полку между рейдами все караулы будут твои. Чтоб дурь не кипела.

– Понял. Товарищ капитан, разрешите идти к себе на высоту?

– Давай, давай, и быстрее, товарищ старший лейтенант, а то не ровен час в меня пальнешь, – насмешливо, и все так же недобро произнес Кавун. Громила Грошиков побрел на позицию, тяжело загребая ногами песок, с видом побитого пса.

Теперь ротный взглянул мне в глаза и вздохнул:

– С кем я воюю! Эх, вы, офицеры! Круглые идиоты! Зеленые мальчишки! Пойдем чай пить. Вояка... Как самочувствие?

– Да ничего, терпимо, могло ведь быть и хуже.

– Могло... Списали бы труп на снайпера. Вот так. Рассказывай, как все было?

– Ай, чего говорить. Нелепость и глупая шутка. Идиотизм какой-то! Первый рейд – и мог погибнуть от пули своего же ненормального офицера.

– Кстати, чтоб ты знал – убивают, как правило, в основном новичков в первые месяцы, и заменщиков, а также перед отпуском и после отпуска. Необходимой концентрации нет. Расслаблены или неопытны. Ну, вот мы с тобой в равном положении: и ты, и я в периоде повышенной убиваемости. Да только я об этой войне все знаю: когда надо пригнуться, когда упасть, где упасть, куда наступить, и мне всего месяц-другой остался! А тебе еще... Кто знает, что тебе предстоит? Эх, послужишь с мое – все испытаешь.

– Ваня, а что у тебя было самым жутким на войне?

– Самое жуткое?.. Я тогда был ротным в третьем батальоне, стоял на дороге к Джелабаду. В зону нашей ответственности в район Асадабада ввели спецназ – свежие, только из Союза. Удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Однажды они полезли в одно из ущелий, а поверху пустили лишь взвод. Это прикрытие зажали, перебили за полчаса, а затем взялись за передовую роту. Такое там началось – мясорубка!

Мой пост был ближе всех к месту боя, я получил приказ и примчался на трех БМП, однако пробиться в ущелье не получилось: «духи» плотно били из гранатометов. Бойня уже завершилась. Вскоре к нам выбрались несколько раненых. Мы принялись молотить из пушек по склонам, позже подоспела техника спецназовцев. Мы полезли в ущелье, но уже с хорошим прикрытием – вертушки помогали. Войти-то вошли, но добраться до места смогли только на следующий день. Потом трое суток трупы выносили, да еще под непрекращающимся огнем. Раненых почти не было. И вот когда спасаешься, прикрываясь покойником, и с другой стороны лежит такой же убитый пацан мордой в песок, и пули свистят со всех сторон, тогда и маму вспомнишь, и Бога позовешь. А когда жрать захочешь, то ешь, привалившись к мертвому телу, и банку для удобства на него поставишь. Вот так бывает! Эх ты, зелень! Первые седые волосы в своей рыжей шевелюре я именно после того боя обнаружил.

Капитан чуть помолчал и вновь продолжил:

– Мертвых устали выносить. Столько крови вокруг я никогда больше не видел и, надеюсь, не увижу. Грошиков только харахорится и бравивирует, а опыта на самом деле почти никакого. Из полутора лет он девять месяцев по госпиталям да отпускам. Надежды на него, как на опытного командира, – нет. Взводные – все новички, служат по одному-два месяца. И ты такой же салага! Прапорщик Голубев опытный, но заметно трусит после контузии. Вот такие дела. Держись меня, учись, запоминай и выживешь. Старайся выжить!

– Иван, ты нас все пацанами называешь, а самому-то лет сколько?

– Двадцать семь. Но из них два года – каждый год за три, понятно? Уже возраст!

Мне уже было значительно легче. После чая и консервов стало почти хорошо. Удивительно, но после шока аппетит разыгрался не на шутку.

– Ложись-ка спать, я твои три часа контроля на себя беру, – сказал Иван.

Целую неделю мы охраняли дорогу и контролировали высоты. Убитую женщину афганцы унесли и похоронили, а пастухи больше к нам не приближались. По шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. Прямо под нашим расположением ржавело несколько остовов сгоревших машин и БТР – осязаемые результаты засад мятежников.

На седьмые сутки в полночь рота получила задачу сниматься с позиции, создав заставу из десяти человек с тяжелым оружием и минометом. Остаться выпало Грошикову и Голубеву с расчетом АГС и минометом. Выход к кишлаку остальной части роты назначили на три часа ночи.

Кавун собрал офицеров.

– Господа-товарищи! У нас всего двадцать восемь человек. На высоте оставляем восемь бойцов. Со всех уходящих снять лишний груз: сухой паек и фляги с водой. Выложить побольше гранат, патронов, «мухи». Берем минимум боеприпасов, в разумных пределах, конечно, каждый выгружает половину. Уходим как можно тише и быстрее. На сборы даю ровно час. Спускаемся с горы через КП роты. Как только мы уйдем, вашу заставу ставим на эту точку. Грошиков! Все понял? Потом растяжки поставьте по периметру и не жалейте сигнальных ракет и гранат. Сколько времени вам здесь сидеть, я не знаю...

В три часа попрощались с заставой, и Серега Грошиков проводил меня напутствием:

– После моего неудачного выстрела жить ты будешь очень долго. Ха-ха!

Снялись с позиций и двинулись. Сначала медленно, потом быстрее и еще быстрее. Передовой дозор метрах в пятидесяти, затем остальные и замыкание. Я в замыкании с двумя бойцами. Идем тихо и почти беззвучно, материмся хриплым шепотом. А бойцы молодцы! Накануне вечером мешки хорошо уложили, сейчас ничего в них не стучало и не гремело.

Вышли на окраину кишлака, и тут же внезапно прозвучал одиночный выстрел. Пуля с визгом отрикошетила от асфальта и улетела в ночь, разрезав темноту. Затем раздалась короткая очередь и гортанный окрик. Поверх голов залегших на обочине бойцов просвистела цепочка пуль, и издали вновь донесся гортанный крик.

Кавун передал по живой цепочке свистящим шепотом:

– Не стрелять, в бой не ввязываться! Лежать тихо! Они нас не видят...

– Не стрелять... Не стрелять... Не стрелять... – прошептала друг другу вся цепочка солдат.

– Кто знает, сколько тут «духов»? А может, это «царандой»? Союзнички! Обойдемся без перестрелки, – прошептал мне в ухо Иван.

Словно призраки, стелясь по земле, мы уползали на окраину кишлака. Вступать в бой нельзя. Неразумно. Рота отползала все дальше и дальше.

Вскоре на шоссе послышался шум приближающейся техники. Броня подходила все ближе и ближе. Наконец темноту разрезал свет автомобильных фар, бронемашин торопливо выскочили из-за поворота, и вскоре «коробочки» затормозили рядом с нами, направив пушки и пулеметы на ближайший кишлак. Рота загрузилась по машинам за пару минут, БМП мгновенно развернулись и умчались прочь, как будто нас здесь никогда и не было.

Наших бойцов на посту через три недели заменили десантниками, и с этой стороны гор «эрэсами» Кабул больше не обстреливали. Пока мы сидели на «курорте» и, попивая чай, прикрывали дорогу, третья рота, прочесывая местность, нарвалась на банду и потеряла убитыми двух солдат. Отступающих после успешного боя «духов» прямой наводкой накрыли танкисты – примерно десять из них нашли свою смерть.

А нашей роте повезло: мы действительно словно отдохнули на курорте. Мой товарищ по путешествию из Ташкента в Кабул замполит третьей роты Коля Мелещенко в первом бою остался жив. Теперь, оборванный, запыленный и чумазый, он шел ко мне навстречу, широко раскрыв объятия. На его голове была полевая дурацкая панاما, в которой он походил на пасечника. (После этого кличка Микола-пасечник надолго закрепилась за ним.)

– Никифор, шо было, шо было! Пока вы там наслаждались жизнью, мы воевали!

Проходивший мимо Кавун громко заржал, услышав возбужденный рассказ насмерть перепуганного Мелещенко.

– Вояка! Штаны сухие?

– Насмехаешься! Бой был такой ужасный! Во я попал в историю! Думал, в Кабуле будет спокойная жизнь...

Мы дружно рассмеялись над грустной физиономией Миколы...

Полковая колонна потянулась следом за тылом дивизии. Я с интересом разглядывал местность, ведь в этой дикой, богом забытой стране мне предстояло воевать два года. Если, конечно, повезет...

Глиняные дома, вокруг них небольшие обработанные квадраты полей и всюду глиняные дувалы (заборы), огораживающие плохо ухоженные сады и виноградники. Всюду вокруг кишлаков бесконечные заросли виноградников. Время от времени мы проезжали мимо верениц разбитых домов с провалившимися крышами, разрушенными дувалами, а вдоль дороги валялись сгоревшие автомашины различных марок и бронетехника. Наводило на грустные мысли: сколько тысяч жизней оборвалось и с той и с другой стороны?..

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В полк прибыло молодое пополнение, и целую неделю проводились занятия по натаскиванию солдат – готовили их к боевым действиям, к выживанию. Механики и наводчики-операторы готовили технику: заряжали боекомплект, проверяли и ремонтировали ходовую часть и движки.

Однажды утром командир полка срочно собрал всех офицеров.

– Товарищи офицеры, послезавтра выход на Джелалабад. Полк давно не проводил там операцию, район боевых действий новый для большей части офицеров, задачи будут известны только завтра. Приказываю сегодня получить карты и готовиться к выходу. Начальникам служб – обеспечить подразделения всем необходимым, пополнить боезапас, улетающим в горы продукты получить на трое суток. Немедленно составить списки убывающих и подать в штаб.

Началась дикая суета. Солдаты, как шустрые муравьи, стали таскать туда-сюда мешки, коробки, вещи, боеприпасы. Писарь составил списки на уходящих на боевые. Вскоре получили распоряжение из штаба разбить роту по восемь человек – для десантирования вертолетами.

За полковыми продовольственными и вещевыми складами разметили площадку для вертолетов. Раньше вертушки я видел в основном только в кино, а в Афгане летал один лишь раз из Кабула в Баграм – становиться на партучет.

Задачи ротам поставили непосредственно на площадке. Повышенная секретность! Офицеры отметили точки на картах, разбили подразделения для десантирования по восемь человек. Через три часа ожидания появились вертолеты, и началось... Посадка – взлет, посадка – взлет... пыль... песок... Батальонный разведвзвод разделили пополам, одна половина попала под мое командование.

Ветер раздувает волосы, глаза запорошило пылью. Наклоняясь почти до земли, с трудом бредем к открытому люку. Влезли, взлетели, а парашютов-то нет! Глянул вниз с замиранием сердца – земля все дальше и дальше. Страшно. Смотрю в иллюминатор: фигуры людей не видны, летим высоко. Постепенно наступило успокоение, и мысли потекли в несколько философском направлении.

«Собьют? Не собьют? А если и собьют, может, сядем? А если погибнем? Но ведь могут убить любого человека в любой момент (погибают и в мирное время: машиной задавит, кирпич на голову, инфаркт). Чепуха все эти мои страхи. Вон даже опытные солдатики хоть и бравировуют, но заметно нервничают, ведь батальон впервые десантировался на вертолетах».

Постепенно началось снижение. Вертолеты один за другим на бреющем полете стелились по изгибу речушки в ущелье. Моя вертушка оказалась над широкой долиной, похожей на зеленый остров между угрюмыми серыми скалами. Внизу шел бой, и мы, высадившись, сразу же втянулись в него. Я не мог понять, откуда били по нам очередями, поэтому мы стреляли во все стороны от площадки. Под прикрытием шквального огня вертолетов батальон занимал позиции, расплзаясь все шире по долине.

Ротный веселыми воплями встретил меня.

– Ну, что, рейнджер, жив? «Духи» уходят по ручью к горам! Человек десять ускакали на лошадях – прямо как в кино «Белое солнце пустыни». Кто только будет Суховым? Наверное, Подорожник. Но где, черт возьми, таможенник Верещагин с ручным пулеметом! – и Кавун громко и нервно заржал.

Минометы били в глубь «зеленки», бойцы стреляли без треног прямо с руки, толком не зная куда, а пехота понемногу упорно ползла вперед: от куста к кусту, от бугра к бугру, от камня к камню. Пули свистели над головой, а часть падала перед нами и рикошетила от булыжников. Рота шла перебежками и переползаниями. Попались по пути первые трупы животных и бородастых «духов». А у нас в батальоне появились раненые – раненые были во второй роте. Кого-то окровавленного пронесли в приземляющиеся вертушки. Суета сует: одних сюда, а других уже обратно.

Вот вся десантная группа полка уже в ущелье. Разведбат и восемьдесят первый полк расположились немного правее по гребням ущелья, а десантники где-то дальше за перевалом.

Мы проползли открытое пространство и устремились скорее в кишлак, который уже трясет полковая разведка. Несколько «бородастых» валяются в овраге, на краю кишлака. Этим лошадей не досталось, они не успели уйти и бились до последнего патрона.

Второй бой, но я никого не завалил, а живых «духов» не видел. А что же делал я? Стрелял куда попало, впрочем, как и вся остальная рота. Василий Иванович Подорожник вызвал Кавуна, и вскоре тот вернулся хмурым и озабоченным.

– Ну вот, попали в переделку. Черт подери! Да тут «духов» раз в пять больше, чем нас, и нога «шурави» никогда не ступала на эту помойку. Слушай боевую задачу: берешь трех бойцов и вон за тем крайним жилищем на горке занимаешь оборону. Ночью не спать. Ты в боевом охранении от нашей роты. Вот тут и тут будут заставы от второй и третьей роты. Смотрите, не постреляйте друг друга. Бери людей из второго взвода. Удачи! Да, и костры не разводить! Маскироваться...

– Когда выходить? Пожрать бы, – вздохнул я.

– Выходить прямо сейчас, а то совсем стемнеет, и хорошую позицию выбрать не сумеешь. Перекусите в дозоре холодными консервами.

Узкая тропинка вилась между заборов, выложенных из огромных камней, и забиралась все круче и круче. Моя группа уже в глубоких сумерках выбралась на вершину сопки. Кишлак лежал как на ладони, и в нем продолжалась суета: огни, шум, гам. От костров тянуло дымком и пищей. А мы жевали сухари и холодную кашу с мясом, вернее с присутствием мяса.

Солнце рухнуло за горный хребет, и темнота заполнила долину, словно землю укрыли темным одеялом. Подул ветер, свежесть перешла в прохладу, которая сменилась мерзкой сыростью. Постепенно и я, и бойцы на пронзительном влажном ветру замерзли – не согревали и бушлаты. Невероятно! Субтропики, конец августа, днем жара, а ночью пронизывающий собачий холод. Как говорится, попали из огня да в полымя! Бушлата у меня не было, не взял по неопытности, оставил в ротном лагере, поэтому накрылся расстегнутым спальным мешком.

Ночь напролет мы дрожали на прохладном ветру, а утром выпала обильная роса, и мы вдобавок промокли.

С рассветом мы спустились злые, как черти. Но ни поспать, ни погреться не удалось. Командир полка ревел, как разбуженный медведь-шатун, и разгонял подразделения по задачам – искать трофеи. Я поздоровался с офицерами и тут же занял свое место в хвосте колонны. Ротный велел мне подгонять отстающих, и мы вместе с санинструктором побрели в замыкании. Томилин, как всегда, тихо бурчал и ругался. К обеду добрались до убогих полуразрушенных артиллерией домов. Наконец привал! Какое счастье!

– Офицеры, ко мне, – выкрикнул Кавун и начал ставить задачи. – Отцы-командиры! Повзводно прочесываем местность, в этом районе сконцентрированы склады оружия и боеприпасов. Для этого нам придаются саперы. С нами работает командир саперов – старший лейтенант Шипилов. Офицер опытный – весь его боевой опыт отражен на физиономии. Самим никуда не лезть – прикрывать и обеспечивать им работу. Сапер, инструктируй народ!

Плотный сапер, с квадратным лицом действительно имел внушительный вид настоящего боевого офицера. Подбородок был рассечен глубоким шрамом, такой же шрам пересекал щеку,

а лоб и нос были испещрены следами от извлеченных осколков. Лицо багровое то ли от ожога пороховым зарядом, то ли от постоянного обветривания. Коренастый и широкоплечий.

– Господа пехотные офицеры! Если не хотите иметь рожу как у меня и вообще хотите иметь лицо и руки, то никуда не лезьте. Рыть землю носом будут саперы, а вы их хорошенько охраняйте. Ну и помогайте выносить, если что сумеем найти.

– Стаскиваем трофеи сюда, – вернул бразды правления себе Кавун. – Здесь хорошая площадка для вертолетов. За работу!

Вскоре появились первые результаты – Шипилов оказался мастером своего дела. В тайнике в камнях обнаружил цинки с патронами, ящики с гранатами. В сарае первый взвод обнаружил ДШК и больше сотни выстрелов (зарядов) к гранатометам и безоткатному оружию, несколько сотен ящиков пулеметных патронов, больше сотни мин «итальянок», в другой хибаре оказался миномет и сотни мин к нему. На наши доклады в ответ был слышен радостный визг комбата и комполка. И тут нам несказанно повезло – солдаты нашли склад спальных мешков. Спальники были не пуховые, как у меня и ротного, а из поролона, очень легкие, хотя и не очень теплые. Но это была огромная удача! Солдаты притащили сотни спальных мешков, перенесли склад с продовольствием и склад с медикаментами! Горы трофеев вокруг площадки росли все выше.

Вскоре к нам спустилась группа солдат с командного пункта полка, и, набрав спальные мешки для штаба, очень довольные трофеями удалились. Пришли такие же ходоки от управления батальона и носильщики из других рот. Нагрузились продуктами, спальниками и обратно. Санинструкторы выбрали таблетки, порошки, бинты. Явился и медик-прапорщик Айзенберг, по кличке Папа-доктор, со своими санитарями. В куче медикаментов лежали сотни пакетов итальянского кровезаменителя. Наш кровезаменитель разливали в пятисотграммовые стеклянные банки, и он часто бился и разливался, да к тому же, вливая его раненому, необходимо было держать емкость на весу.

– Смотри-ка, как умно придумано! – почесал прапорщик затылок в задумчивости. – Иглу втыкают в живот, а пакет суют под зад или под спину, и жидкость поступает, постепенно выдавливаясь. А мы как дебилы должны стоять с банками под обстрелом.

– Они раненому «духу» втыкают один пакет с иглой и еще несколько оставляют в запас. Бросят «духа» в пещере или травой закидают и уходят. «Душман» оклемается, отлежится днем, а ночью, если выживет, его забирают или уползет сам, – включился в разговор Степан. – Мы в Панджшере одного такого нашли, весь пакетами был обложен. Но ему не повезло, никакие лекарства не помогли. Скончался от дополнительной порции свинца. Весь магазин я в него всадил за недавно уничтоженную БМП и за сгоревших ребят.

Видимо, на сержанта нахлынули воспоминания, и Степан грустно вздохнул и нервно закурил.

– Степа, ты будто не скорой помощью работаешь, а патологоанатомом, – ухмыльнулся Кавун. – А как же долг эскулапа? А как же законы ведения войны?

– В жопу законы... – сердито буркнул Бандера.

С КП полка примчался авианаводчик с охраной и принялся сажать один за другим вертолеты.

Первая пара «Ми-8» села через полчаса на два разных яруса возделанных полей. Солдаты забегали как муравьи и быстро заполнили «стрекозы» трофеями: затащили пулеметы, несколько запасных стволов к ним, цинки с патронами, минометы и несколько старых раритетных винтовок «Бур» с патронами. В небе над долиной тем временем кружили два «Ми-24», постреливая по горным вершинам и осуществляя прикрытие площадки. Пара вертушек, загрузившись, взлетела, и на их место садилась следующая. Снова тащили мины «итальянки», цинки с патронами, ящики с гранатами, минометные мины...

Когда приземлилась пятая или шестая пара, из вертолета выскочил бортехник и бегом направился к нам.

– Командир, что будем вывозить?

– Вон гора из цинков с патронами, и штук сорок выстрелов к гранатомету, эрэсов штук сорок, мин столько же.

– Сколько же вы нахапали этого добра?

– Немало!

– А что-нибудь повкуснее есть?

– Ящик печенья, бочка варенья, – ухмыльнулся Кавун. – Но мы «мальчиши-плохиши» и ничего не дадим!

– Братцы! Подарите, чего не жалко, не жмотьтесь.

– Ладно, поделимся. Есть десять мешков муки, пять мешков сахара, мешки с рисом, ящик чая. Но, чур, сами все носите. Мои бойцы уже уморились...

К складу потянулась цепочка вертолетчиков. Забрав половину продуктов, они остановили погрузку боеприпасов и улетели. Следующая пара вертушек прилетела через полтора часа, но загружать боеприпасы не разрешили: лишь затащили мешки сахара и ящик чая, медикаменты и спальники, оставшиеся от тех, что полк не разобрал по ротам. Все тот же шустрый бортехник подбежал и пожал нам руки на прощание.

– Спасибо, ребята, выручили! Ох и порадует сегодня эскадрилья! На сегодня хватит – это был последний борт!

– А куда девать боеприпасы? – недоумевал Кавун.

– Подрывайте. Больше не прилетим...

– Брагу будете делать? – с видом знатока спросил Голубев.

– И брагу, и самогон. Спирт кончился! Ну, до встречи. Если что, вызывайте, не стесняйтесь!

И вертушки устремились ввысь, подняв тучи песка и пыли. Невывезенные цинки с патронами и мины остались лежать в куче, а солдаты продолжали подносить найденные выстрелы к «безоткатке». Надо было срочно остановить Шипилова.

– Что с этим всем делать будем? – поинтересовался Шипилов, придя на зов Кавуна.

– Слышь, крот! А ты прекрати рыть землю носом, – огрызнулся Кавун.

– Капитан! Я же не нарочно. Мин как грибов в сибирской тайге в грибной год. Я столько трофеев никогда в жизни не видел. Так, как возникшую проблему будем решать?

– А ты как предлагаешь?

– Пороховые заряды высыпем на эту кучу мин, цинки вскрываем и патроны высыпем туда же. Подожжем, и пусть взрываются. Снаряды, ракеты и гранаты сложим в самую крепкую избушку, и я их подорву, когда будем уходить. Пусть в космос летят – знатный устроим фейерверк!

– Давай, крот, действуй, руководи! – согласился ротный.

Солдаты сложили боеприпасы в кучу, снарядами нашпиговали самый крепкий дом и начали собираться отходить в горы. Затем бойцы распотрошили ящики, тюки, коробки, набивая вещмешки чаем, сахаром, рисом и выбрасывая консервы с кашей.

– Степан! Что за странный чай ты набрал? Какие-то горошины. На чай не похоже, – удивился я.

– О! Это самый замечательный чай в мире! – ответил сержант.

Я зачерпнул горсть мелких темно-зеленых горошин величиной с черной перцем.

– Эти темные шарики – чай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.